

6 декабря. Билибино

Наиль, привет!

Ночью никак не усну. Засыпаю под вечер, в полночь просыпаюсь и до утра бодрствую. Снотворное не помогает. Спасаясь тем, что пишу письма...

Не знаю, как на остальной Чукотке, но в Билибино самые употребляемые слова — «борт» и «материк». Они связаны с мечтой об отъезде и символизируют связь с цивилизацией. Здесь не скажут: «самолет». Будто такого слова не существует. Все, от шофера до библиотекаря, говорят: «борт». Слово это заботит каждого, так как бортом доставляются продукты, промтовары, почта, и самих билибинцев тоже доставляют в основном борты. Можно зайти в магазин и, не обнаружив нужный товар, узнать от продавца, когда и каким бортом этот товар прибудет.

Жители Билибино внесли в свой язык некоторые военные слова оттого, что в какой-то степени ощущают себя живущими на взлетно-посадочной полосе. Так, технические работники космодрома владеют лексикой космонавтов, хотя сами в космос не летают. Употребление слова «борт» — пока единственное, что меня здесь раздражает. Его невыносимо слышать из уст библиотекарей и учителей. Вместе с тем язык здесь достаточно богат, разнообразен и лишен канцелярита, которым разговаривают в столице, где через слово произносят «как бы», через два — «в принципе», через три — «так сказать» или «скажем так». Билибинцы не разговаривают пустотами, заменяющими язык, и не самоутверждаются с помощью наукообразных оборотов вроде «с одной стороны... с другой стороны...», «по большому счету...» и прочего, от чего пухнет голова. Разговорная речь здесь богата, потому что разноплеменно население.

Тут и украинцы, и белорусы, и татары, и другие национальности, да и сами русские из разных мест. Есть сибиряки, уральцы, малороссы, питерцы, москвичи... Все они привносят в местный лексикон колорит, словечки, понятия, выражения. Так что можно говорить об универсализме и взаимообогащении русского чукотского языка. Добавим к нему слова, заимствованные у коренных народов, — получим подвижный, развивающийся язык, которому омертвление не грозит. Поэтому слово «борт», заимствованное у авиаторов, отнесем на счет такого развития.

Но если «борт» — слово, то «материк» — понятие.

Я выяснял, что означает «материк», но никто ничего определенного ответить не смог. Для одних это то конкретное место, откуда они прибыли и куда собираются вернуться, и им может быть любая точка на карте, за исключением Чукотки; для других «материк» — это нечто абстрактное, не связанное с чем-то определенным; третьи называют «материком» лишь Москву, а кто-то считает, что он начинается уже с Магадана; для некоторых «материк» — всего лишь место отдыха. Похоже, «материк» — это и Брянск, и Кемерово, и Ялта, и Москва, и Казань... Если с местонахождением «материка» разобраться трудно, то в смысловом отношении все проще: «материк» — это мечта.

Можно ли представить, чтобы жизнь, та самая, которая даруется Богом, была наполнена лишь одним — ожиданием возврата? Причем не из плена, а из добровольного заточения. Люди приезжали на Север в расцвете сил, в надежде и уверенности, что за несколько лет смогут заработать достаточно, чтобы устроить жизнь. Приезжали из-за своей никчемности, которая бывает хуже беды, или бежали от такой беды, которая хуже никчемности; забирались сюда в поисках романтики и приключений, кого-то забрасывала судьба или позвали родственники, друзья, знакомые, убедили, что здесь есть к чему себя приложить и в чем проявиться, что есть шанс себя испытать и пожить по-настоящему, по-мужски; есть и такие, кто бросился сюда вслед за любимой... И вот, приехав на два-три года, оставались на десять лет, на пятнадцать, на двадцать... Приезжали,

устраивали жизнь, влюблялись, женились, заводили детей, потом их растили, учили, старались выпроводить на материк, сами оставались еще на годик-другой, а получалось — на десять, на пятнадцать, на двадцать... Словно неразумное насекомое, попавшее в золотистую смолу и безнадежно там застывшее, человек застревал на Севере. Здесь и карьера, и быт, и привычка, и друзья, наконец, возраст, когда уже не попляшешь, не попрыгаешь, а на то, чтобы начать сначала, не осталось ни задора, ни прыти.

Все же мечта о возврате жила. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть... Но исчезает страна, рушится быт, и ему на смену приходит безбытность. Умом человек все понимает, но сердце отказывается смириться: материка, куда стремился, о котором мечтал, больше не существует. Признать это — страшно. Это значит согласиться с тем, что жизнь прошла... в ожидании жизни. Прибывший с Севера вдруг обнаруживал, что его материк, подобно легендарной Атлантиде, ушел на дно. Не территорией (все как стояло, так и стоит), а человеческими душами и человеческим отношением. Россия «старанием» безжалостной власти и безучастием измученного народа ушла на дно и в одночасье едва ли поднимется. Тогда, разочарованный и уставший, человек вновь возвращается на Север и укрывается здесь. Удивительно, но в краю вечной мерзлоты сохранились и сердца, и души. Оказалось, это важнее материальных благ, важнее всего на свете. Так скажет всякий, потому что обездоленный, без денег и лекарств, без достойной одежды и хорошей еды, без надежды на будущее — русский человек сильнее всего страдает от очерствения душ, больше всего мучится, когда рядом нет плеча и некому верить. Он устал от страха и безнадеги, от клеветы и насилия, от опухших и обнаглевших физиономий с бесчувственными глазами, от проворовавшегося начальства... И от себя такого — тоже устал, от беспомощности своей и никчемности. И некуда уйти от этого, и не с чем, и уже, кажется, он смирился со своей участью и безропотно отдает себя в руки Провидения. Но и Провидение к нему неблагосклонно.

Мы всегда бежали от напастей куда глаза глядят, и больше всего — на Восток, на Север, на самый Крайний Север. И добежали туда, откуда бежать некуда. И, вместо того чтобы встать насмерть перед напастями и преодолеть их, русский человек продолжает грезить о том, чтобы бежать... обратно! Туда, откуда бежали предки. Мы, а не чукчи — настоящие кочевники!

В этом грустном и безнадежном тысячелетнем хороводе не участвуют только дети. И мы, пока были детьми, тоже в нем не участвовали. Увы, с годами, взрослея, — включались в него, и никто не был в силах уберечь нас от этого печального танца. Но вот подрастает поколение первых свободных людей в истории России. Быть может, они не пойдут за нами и сотворят то самое чудо, которое еще не удавалось никому, и мы, одряхлевшие, потрепанные и циничные, еще успеем хоть немного пожить рядом с ними, любуясь, радуясь и по-доброму завидуя от имени всех, кто когда-либо жил этими надеждами...

Я приглядываюсь к чукотским детям. Их вид притягателен. В огромных меховых шапках, торбасах и шубках, розовощекие и улыбающиеся, они словно плюшевые мячики. Они родились и выросли на Чукотке. В то же время родители постоянно ведут разговор об отъезде, о том, что здесь жить невозможно. Я говорил со старшеклассниками. Они в растерянности. Им внушено, что учиться надо только для того, чтобы уехать. Но, повзрослев, они понимают: обетованного материка на самом деле нет. И выросли они в условиях, совершенно отличных от тех, в которые их хотят отослать. Кто бы посоветовал им — уехать, отучиться и обязательно вернуться, чтобы жить именно здесь? Не потому, что на Чукотке хорошо, а потому, что там, на материке, им не будет лучше.

У детей Севера особое видение мира. Здесь большую часть времени — белый снег, синий воздух, голубые сопки... Ребенок видит, как меняется освещение — то розовое, то бледно-голубое, то сиреневое. Подобных, на глазах меняющихся красок больше нигде не встретишь. И там, где взрослый удивлен и даже ошарашен, ребенок, выросший здесь, спокоен и невозмутим, он

воспринимает чукотские пейзажи как нечто обычное и не фетишизирует увиденное, но сосредоточивается на сущности.

Творчество художника, попавшего на Чукотку, восторженно и гипертрофированно. Даже если до сих пор способности не были обнаружены, от увиденного они пробуждаются. Художник ли (что чаще), стихотворец (что реже) или музыкант (что совсем редко) просыпаются от желания запечатлеть увиденное или услышанное и непременно поделиться с другими. Оттого нередко за кисть или перо берутся учитель и врач, геолог и летчик. Новые, ранее неведомые ощущения выводят на пленэр людей самых разных, усаживают за письменный стол, кажется, неимоверно далеких от труда литератора... Вот геолог прошел сотни километров по тундре, преодолевая препятствия и терпя лишения. Если он опишет свой путь — получится книга, которая будет читаться всюду, и чем дальше от этих мест, тем с большим интересом. Вот врач, приехавший к больному в отдаленное селение, передает на холсте удивившую его тундру. И это интересно. Оттого рисунки врача-художника можно встретить и в кабинете высокого начальника, и в краеведческом музее. Оценивать достоинства или искать недостатки этих работ не стоит. Настоящее искусство на Чукотке — только изделия из кости и шитье. Им владеют лишь коренные жители, и я надеюсь, увижу его.

Другое дело — дети. Их работы лишены декоративности, а смысл творчества не в том, чтобы восхитить, ошарашить и передать свои восторги другим. Дети рисуют и стараются передать не то, что видят перед собой, а то, что хотели бы увидеть. Вот почему внимательное отношение к творчеству детей обязательно для всякого, кто хочет заглянуть в будущее. Детская чувствительность и восприимчивость, облеченные в рисунок, музыкальный этюд или в стихотворение, могут многое объяснить и на сложные вопросы дать ответ. Дети — лучшие футурологи, и потому представляет большую ценность выставка их рисунков, устроенная в Билибинском краеведческом музее. Тема выставки — «Я шагаю в будущее». На своих рисунках билибинские дети мечтают и в мечтах не отказывают себе ни в чем.

Летним солнечным днем стоит на пригорке шестнадцатилетняя Таня Гаврилюк. И что видит? Среди густой зелени, цветов, кустов и деревьев раскинулся огромный город, с зеркальными небоскребами, чем-то похожий на центр Хьюстона или Далласа, только гораздо светлее и величественнее. Над небоскребами зависли летающие тарелки, готовые доставить жителей в любую точку планеты. А в самом городе десятки тысяч людей заняты самым разнообразным трудом, в том числе, как Таня, художественным творчеством. Этот огромный светлый город — ее родной Билибино, будущее которого иным и не представляется.

А Оксана Воробьева рисует билибинское такси — небольшие летательные аппараты, сотворенные из прозрачного материала. Легкоуправляемые и бесшумные, они летают над утопающим в зелени городом и развозят жителей. Но не по рудникам и котельным, а по театрам и ресторанам, консерваториям и художественным салонам, парикмахерским и роскошным магазинам, которых в Билибино будет не счесть.

Ира Хуснуллина видит свой город похожим на европейскую столицу. На ее картине, в том месте, где сейчас жилой массив «Арктика», высится огромное здание с башней наподобие Биг Бена. А по реке плывет прогулочный катер: это туристы приехали полюбоваться знаменитым чукотским городом. Они запрокинули головы и не перестают удивляться заполярному чуду, живо напомнимшему им Лондон. Но Ирине нет дела до туристов. Она, с распушившимися золотистыми волосами, в модных оранжевых брюках и коротенькой блузке (так что виден пупок), катается на велосипеде по набережной, подгоняемая радостным лаем собак. Впрочем, быть может, это не собаки, а кошки.

Лена Буркова, в которой пробуждается театральный художник, видит город, словно находящийся на огромной сцене. Дело происходит зимой, под Новый год. На улице мороз, но это не мешает дирижаблям, ракетам и летающим тарелкам (видимо, будет самый распространенный вид транспорта). На авансцене великолепно убранная новогодняя елка, а вокруг уже собираются

школьники. Вижу Снегурочку в короткой шубке, ей вслед смотрит юноша, зачем-то сунув руки в карманы, а на заднике, на самом видном месте, в центре воображаемого города, — огромное табло, которое высвечивает: «Билибино — золотое сердце России!»

Для одиннадцатилетней девочки сердце России непредставимо в ином месте. Разве временщик способен проявить такую сердечную привязанность? И неужели нет будущего у города, о котором так мечтают?

По замыслу детей, здесь будет и великолепный цирк, и суперсовременное кафе с официантами-роботами, и луна-парк с аттракционами, о которых американские дети и не мечтают, будут зимние сады с прозрачными хрустальными крышами, и зоопарки с экзотическими тропическими животными... Чего только здесь не будет! Дети, родившиеся в Билибино, видят будущее своего города и живо находят себя в нем. Это добрые рисунки, в них много светлых, теплых красок, на каждом — леса, парки, скверы, луга, и почти на всех — Солнце! Нет ни одного рисунка безрадостного, холодного. Даже зиму дети чукотские рисуют тепло.

За окном краеведческого музея — сумерки. Билибино залито пятидесятиградусным голубым туманом. А на детских рисунках — тепло и светит солнце. Я вижу в этих рисунках воплощенную мечту. И не столько мечту детей, сколько их родителей и родителей их родителей, которые мечтали, чтобы дети их — так рисовали... А нынешние дети сами мечтают жить в большом и прекрасном городе, и их мечта, воплощенная пока только в рисунках, находится не на пресловутом материке, а здесь, на Чукотке, на Крайнем Севере. На всех картинках — веселые и радостные жители. Люди и Солнце — дают шанс и надежду. Это значит, здесь есть будущее, и можно смело строить планы и претворять их, потому что видению и чувству детей можно доверять.

Мне обещали передать сочинения школьников. Я увидел, как они рисуют, — теперь хочу узнать, о чем они пишут.

*Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития». М., 1998.*

«Изучение физического развития новорожденных позволило установить определенную ретардацию развития плода и, как следствие, меньший уровень физического развития новорожденных от тех матерей, которые в период беременности находились в процессе адаптации к экстремальным условиям Севера. Таким образом, неблагоприятные факторы Крайнего Севера оказывают сдерживающее влияние на физическое развитие плода и затем новорожденного. В течение первого года жизни у большинства детей развивается рахит первой степени. Исследовалось состояние здоровья детей, которые переехали на Север. При этом оказалось, что максимальное тормозящее действие на темпы роста детей оказывает стресс переезда. Наиболее неблагоприятные процессы в организме идут в течение первого года после приезда на Север. В это время в организме ребенка происходят основные адаптационные перестройки. Но с окончанием первого года нахождения на Севере процесс адаптации не заканчивается...»

КРУЖКОВ СТАНЕТ БОЛЬШЕ

Где в Провидения детям можно получить хорошие знания английского и эскимосского языков, глубже познать родной край, научиться красиво танцевать и еще многому другому? Кроме школы, конечно же, в районном Доме детского творчества, где работают кружки «Хозяюшка» и «Умелые руки», ансамбль «Радуга» и клуб

«Почемучки». А в скором времени в этом детском учреждении начнут действовать еще и национальный ансамбль песни и танца, кружок декоративно-прикладного искусства и клуб «Родной край» по изучению эскимосского языка, национальной кухни, традиционной одежды, религии, а также произведений чукотских литераторов...

«Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.

ПО МОРЮ И ПО ВОЗДУХУ

Несмотря на сложные погодные условия, в морском порту п.Провидения продолжается навигация. Экипаж танкера «Усинск» 27-го ноября осуществил нелегкую операцию: перекачал дизельное топливо в емкости нефтебазы. Всего в район завезено 5900 тонн солярки, почти 2 тысячи тонн предназначено для национальных сел, куда доставку его осуществят с помощью малотоннажных танкеров. Следом на причале порта началась разгрузка судна со свежемороженой рыбой в трюмах. Она предназначена для жителей Чукотского района...

Соб.инф., «Крайний Север», 3 декабря, 1999 г.